

Владимир Меньшов:

Этой публикации вполне могло и не быть. Когда я пришел к Владимиру Меньшову визировать текст интервью, Владимир Валентинович заявил, что теперь, после премьеры «Зависти богов», надо беседовать совсем об ином, о тех, кто объявил войну его новому фильму...

«Юля на гонорар от рекламы смогла купить квартиру»

— Неужели критика уже оценила фильм по достоинству? О, да! В полной мере! И не только она...

Впрочем, это отдельная тема. А что касается критики, то порой я могу пересказать содержание рецензии, даже не читая ее. Достаточно знать фамилию автора — все прозрачно и предсказуемо. Есть какое-то глобальное несоответствие режиссера Меньшова с остальной кинематографической средой. Это пошло со времен фильма «Москва слезам не верит», который поначалу был встречен коллегами и критиками в штыки, продолжилось на «Любви и голубя» и «Ширли-мырли». Видимо, «Зависть» ожидает та же доля. К счастью, позиция, точнее, оппозиция профессионального цеха не влияет на отношение зрителей к моим картинам. Людям кино Меньшова нравятся, и это главное. А любитель критиков я уж как-нибудь переживу. Они вечно кривят губы: фи, мелодрама! Дескать, отойди в сторону, любезный, от тебя психой разит. Лишь некоторые начинают понимать: нет плохих и хороших жанров, настоящую мелодраму снять не менее трудно, чем, к примеру, «Зеркало» Тарковского.

— Вероятно, эти «некаторые» не попали в жюри последнего «Кинотавра», где вашу «Зависть» прокатили со свистом!

— Свиста, допустим, не было, но, не скрою, меня задело, что картина осталась без призов. В Сочи сделали вид, будто фильм вовсе не участвовал в конкурсе. С другой стороны, еще неприятнее, если бы «Зависть» дали утешительную награду, скажем, за музыку или костюмы...

Впрочем, какого черта я об этом говорю? Опять посчитают, что Меньшов жалуется или обижается. Я же пребываю в недоумении, не в силах понять, чем вызвано такое раздражение. Вроде бы никому дорогу не перешел, мозоли не оттоптал. И коллег стараясь лишней раз не задавать: если не могу хорошо сказать об их работах, молчу, но с замечаниями не лезу. Никого по большому счету не касается, понравившись мне «Старые клячи» Рязанова или нет. Со-чту нужным, шепну об этом лично Эльдару Александровичу, но не стану трепаться со встречаемыми и поперечными. Почему другие с легкостью рубят сплеча? «Зависть» уже и кинем обзавели, и «мыльной оперы», рассчитанной на тетю Маню... Написали, будто у Алентова была дублерша в сценах с развешиванием. Наверное, никак не могут смириться, что Вера отлично выглядит?

...Увы, я так и не научился игнорировать злобные выпады. Другое дело, что раньше шла подпитка

от зрителей. На мои фильмы стояли километровые очереди у кинотеатров! Сегодня не приходится рассчитывать, что народ повалит смотреть российское кино. Вранье, будто люди ждут отечественные картины. Ни черта они от нас не ждут! Какой-нибудь Джордж Клуни в России гораздо популярнее Жени Миронова. Появись завтра в Москве Брэд Питт, его поклонники разорвали бы на части, а Володю Машкова, думаю, не все и узнают.

— **Поэтому вы заманили в картину Дюпарье! Рассчитываете на эту приманку?**

— Не уверен, что зрители именно из-за западной звезды в кинотеатр побегут, но все-таки дополнительная реклама.

— **Француз снялся в эпизоде, а вы его имя на афишах огромными буквами написали...**

А как иначе? Звезда! Представьте, если Дюпарье увидит, что он маленько приписан в конце! Вот скандал будет!

— **Да он по-русски не разберет. Свою фамилию? Не волнуется, уж как-нибудь справится...**

Конечно, участие в картине Дюпарье — дополнительная раскрутка фильма. Хотя, по правде, я не верю в эту рекламу. Вот по телевизору без конца крутят ролики о разных сортах пива — и что? Их из-за этого стали больше покупать? Иной раз реклама бывает очень остроумная, но растет ли в итоге спрос? Хотя, коль крутят, значит, деньги есть. Вот и Юля, дочь, участвовала в нескольких кампаниях, рекламировала по телевизору колготки, стиральный порошок, какую-то парфюмерию. На гонорар даже смогла квартиру себе построить. Во как!

— **Если за рекламные ролики столько платят, трудно представить, какую сумму вы выложили, чтобы Дюпарье в Москву звать.**

— И не представляйте. Это коммерческая тайна... Во всяком случае, гонорары у нас были куда скромнее, чем на «Сибирском цирюльнике» у Михалкова.

— **«Нет, с Никитой мы не конкуренты, нет»**

— **Вы, кажется, учились вместе с Никитой Сергеевичем?**

— Формально нет. То есть Михаил Ромм добрал нас с Никитой в хвост мастерскую во ВГИКе уже на второй курс, но у меня возникли сложности с зачислением, а я хотел учиться только у Михаила Ильича. Волынка занялась почти на полгода, мы с женой жили на гроши, продолжая ютиться в комнатке театрального общежития. Видя мое бедственное состояние, Ромм специально для меня придумал «аспирантуру по режиссуре», я стал получать стипендию, значительно превышавшую студенческую, но еще год продолжал упорно биться, пытаясь перевестись в студенты.

— **Зачем вам это нужно было?**

— Студенты, в отличие от аспирантов, могли снимать учебные фильмы, а я же шел во ВГИК учиться снимать кино, а не диссертации сочинять. В итоге фактически чудом мне удалось сделать десятиминутную работу. А летом 69-го, к 50-летию ВГИКа, руководство института решило выпустить юбилейную документальную ленту. Почему-то никто не брался за эту работу, воспринимая ее как нагрузку, повинную. Тогда сказали мне: «Если хо-

рошо снимешь, переведем в студенты». Я очень старался, но картина неожиданно жутко раздражала начальство, и фильм не просто закрыли, а — уникальный случай! — приказали сжечь, уничтожить, и мне пришлось распрощаться с мечтой о студенчестве. Слава Богу, хоть в аспирантах удержался. Ромм помог. Правда, до защиты диссертации дело не дошло, вместо диплома я так и остался со справкой об учебе в аспирантуре. А у Никиты все сложилось нормально, он до конца отнимался в мастерской Ромма, поэтому, строго говоря, нас нельзя считать однокурсниками.

— **А соперниками — можно?**

— Да ну... Мы с ним почти не общались. «Привет!» — и разбежались в разные стороны. За все время лишь пару раз и вышли вместе, да и то не вдвоем, а в компании. Никита всегда оделял тшул на себя, ему было скучно, если кто-то, а не он, верховодил за столом, брал роль тамады. Никита ни в чем и никогда не любил проигрывать, постоянно хочет быть в центре внимания. А меня Михалков вралд ли когда-нибудь держал за конкурента. Слишком уж мы разные. И в кино у каждого своя дорога, и успехи наши не сравнимы. Никита обласкан критикой, любим властями и фестивальными жюри. Правда, лауреатом Госпремии я раньше его стал.

— **И «Оскар» американского первым отхватили. Михалков почти на двадцать лет отстал.**

— Это другая история...

— **Как сказать.**

— Впрочем, вы в чем-то правы... Вспомню рассказ Олега Янковского, который вместе с Михалковым наблюдал по телевизору за той моей церемонией вручения «Оскара». Я в ту пору ходил в невыездных и сидел дома, в Советском Союзе, где, конечно, никакие голливудские телетрансляции не было, а вот Янковский, Михалков, Гурченко и еще целая группа наших кинорежиссеров оказались в Берлине на кинофестивале и решили посмотреть репортаж из Америки. Собрались в номере Никиты, ждут, пока объявят победителя в номинации «Лучший зарубежный фильм». По словам Янковского, никто не сомневался: Меньшов пролетит, «как фанера над Парижем». И вдруг: «Приз вручается советской картине «Москва слезам не верит!» Олег рассказывал, что Никита буквально на глазах почернел, а потом запыл.

— **А говорите, не конкурент...**

— Но я Никиту так не воспринимал!

— **А как? Как, к примеру, вы отреагировали, когда Михалкову «Оскар» дали?**

— Во всяком случае, не запыл. Не скажу, что жутко обрадовался победе «Утомленных солнцем», но при встрече подошел к Михалкову и поздравил. Кстати, и Никита так сделал, когда из Берлина вернулся. Сказал: «Я очень за тебя рад, оч-чень!» Наверное, его «радость» надо было делить на какую-то цифру — на шестьдесят или на тридцать два, но ведь пересилил себя, подошел...

— **Нет, с Никитой мы не конкуренты, нет.**

Вот, скажем, во время учебы в Школе-студии МХАТа я четыре года жил в одной комнате с Михалковым. Андрей был лидером, первым номером на нашем курсе, а я закончил учебу, наверное, семнадцатим из девятнадцати выпускников. Конечно, это было по самолюбию: Мягкова признали, он любим и успешен, а я, значит, никто, бездарь? После института Андрей резко ушел вперед, сразу попал в труппу суперпопулярного тогда «Советского», быстро получил и сыграл замечательные роли, а меня в Москве никуда не взяли, я уехал в провинцию, отлучился год в театре и вынужден был признаться самому себе, что актер из меня никчемный.

— **Словом, Мягкову вы проигрываете.**

— На том этапе — да. Мне вообще приходили в голову мысли, что жизнь не удалась и я ошибся в выборе профессии. К третьему курсу понял: мне не победить. И не только Мягкова. Очень многих. У меня характер не актерский. Там нужны амбиции, честолюбие.

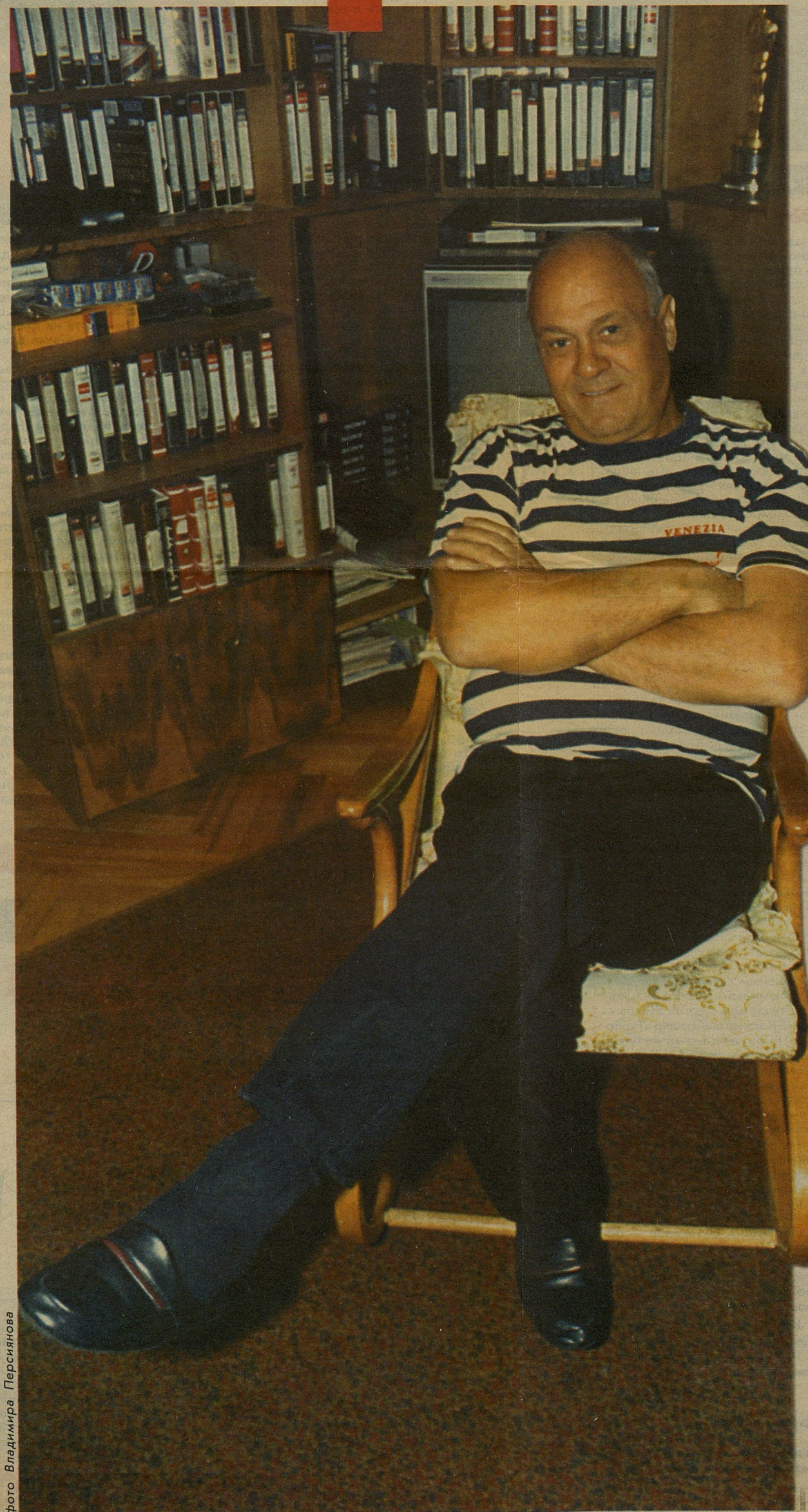

фото Владимира Персина

А вот попал во ВГИК, быстро почувствовал: это мое. И стал соревноваться всерьез. И даже Феллини оказался для меня... нет, не конкурентом, но объектом пристального внимания, целью, к которой нужно стремиться. Феллини и сегодня остается моим богом, я не видел ничего более великого, чем «8 1/2».

— **Пересматриваете этот фильм?**

— Еще бы! У меня даже своеобразный ритуал сложился: прежде чем запуститься с новой картиной, всегда включаю «8 1/2».

— **Планку задаете!**

— О чем вы, какую планку? Смотрю открыв рот. Фантастика, шедевр! Когда вижу талантливую вещь, всегда радуюсь. Не помню случая, чтобы просмотревшую картину, вышел из зала и внутренне чертыхнулся: «Вот зараза, какое кино снял! Теперь мою нишу займет». Безусловно, поглядываю на коллег, слежу за ними, но сплону ронять...

— **«Я никогда не вляпывался в дразни»**

— Полагаю, ревности больше подвержены те, кто не уверен в себе. Я же вроде бы крепко стою на ногах. Все-таки был и на моей улице праздник. Меня преждемного узнают на улицах, подходят, благодарят за картины и роли. Теперь вот еще и про дочку хорошие слова слышу...

— **У вас такая замечательная Юлька! Мы всегда смотрим «Я сама».**

— Это лучшая программа на нашем телевидении!

— **Вы соглашаетесь!**

— А по-вашему, должен доказывать, что дочь у меня ужасная и передает ее худшая? Любому родителю приятно, когда его чадо хвалят...

Но мы говорили о другом: о зависти и ревности. Может, мне и потому удалось не вляпаться во все эти дразни, что я всегда был сам по себе. Например, многие ребята сошли во ВГИКе, но я силу неопознанного статуса полустудента-полустипендианта и держался особняком, выглядел белой вороной. И на «Мосфильме» первую картину получил почти случайно... Нет, у меня нормальные приятельские отношения с Кареном Шахназаровым, Вадимом Абдрашитовым, Александром Бородакинским, но поостерегся бы говорить, будто имею друзей в профессиональной среде.

Признаться, пытался разобраться, почему выпадаю из обоймы. Думал: может, все дело в моем социальном происхождении? Я не рос на Никольной горе, не катался в папиных автомобилях, не сидел с детства на коленях у знаменитостей. С другой стороны, и Василий Шукшин не княжеского рода, однако был признан в «высшем свете»...

Может, мои политические убеждения всему виной? Я ведь противник псевдодемократической групповухи и постоянно говорю, что на выборах из принципа буду всегда голосовать за коммунистов.

— **Говорите или делаете!**

— Делаю, конечно! Не могу спокойно смотреть на людей, которые убеждают себя, будто с приходом КПРФ и власти наступит конец света. Всех, мол, вздернут на фонарях, к стенке поставят, в лагеря сошлют. По-моему, это лишь свидетельство того, что в мозгах у людей ровным счетом ничего не изменилось к лучшему и политическая ослепленность по-прежнему многим застилает глаза.

— **С подобными взглядами вы всерьез рассчитываете найти любовь коллег, записных демократов?**

— Но я ведь не крайний, есть левее! Станислав Говорухин позволяет себе куда более резкие речи, но ему все почему-то прощают, он

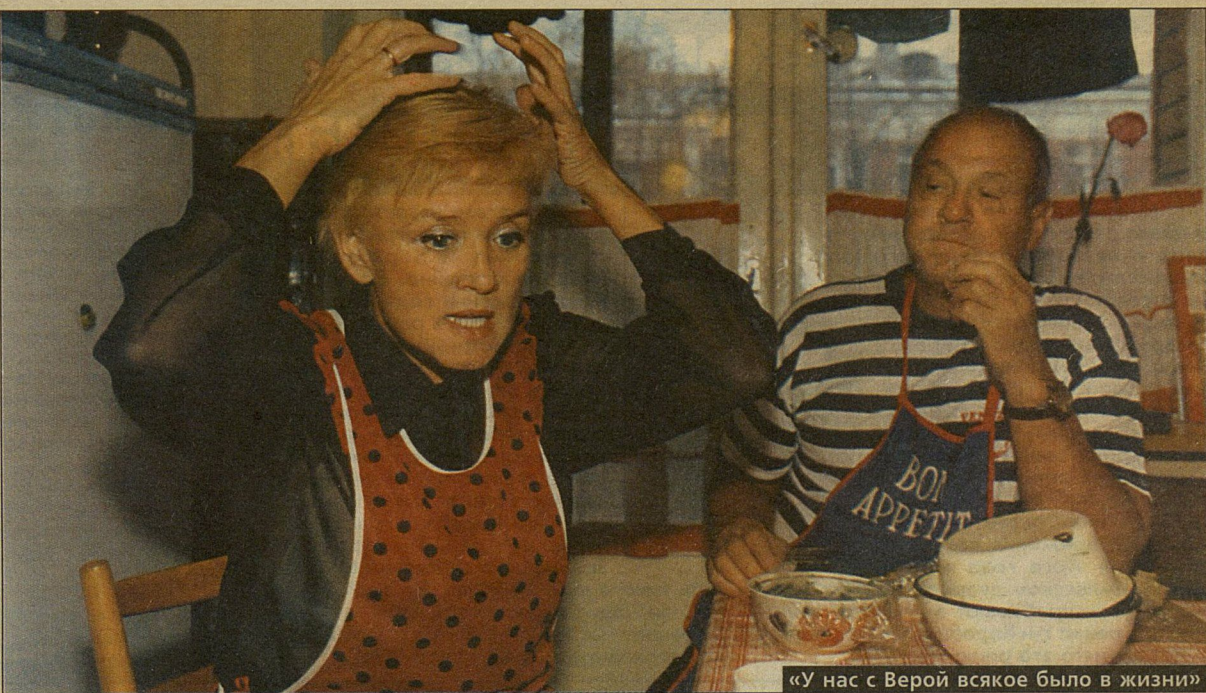

фото Владимира Персина

по-прежнему принят в «лучших» домах. Значит, причина неприятия по отношению ко мне кроется не в политике.

Какой выбор остается? Думать, будто все дело в моей гениальности, которую мне не могут простить? К счастью, я не идиот и не заблуждаюсь насчет собственных способностей...

Конечно, не только в профессиональной среде люди начинают нервно дышать, когда рядом появляется кто-то более успешный, яркий, красивый. Вспомню историю с Юлей, когда она начала вести «Я сама».

После первых нескольких выпусков рейтинг программы стремительно полетел вверх, и в этот момент напелся ловкий интриган, сумевший перебаллотировать всю группу. Коллектив вдруг взбунтовался. Мол, шоу хорошее, а вот ведущая — ни к черту, она все заваливает, надо менять. Юля была в ужасе, в панике, в слезах. Не знала, куда бежать и что делать. В итоге шестнадцатый человек пришел к Ивану Демидову и сказала: или мы, или она. Иван Иванович не колебался: «Или она!» — и уволил всех к... такой-то матери. Всех! Только хитрая Маша Арбатова не принимала участия в этом походе и усидела в программе. Я тогда сказал дочери: «Сейчас ты повзрослела на десять лет».

Действительно, Юле пришлось начинать с нуля. У нее в компьютере даже не осталось базы данных о будущих героинях программы — ушедшие все с собой привалялись.

И у Веры когда-то была похожая история. В далеком не самом популярном Театре Пушкина только на спектакль «Я женщина», где Вера играла главную роль, никогда нельзя достать билет. И вот начались интриги: Алентову надо заменить, ибо она губит спектакль.

— **«Мы с Верой три года жили врозь»**

— **Кругом враги!**

— Я этого не говорил. Причину проблем надо искать в себе, а не в других.

— **Вы нашли!**

— Жизнь не закончилась, ищущу... Безусловно, и я ангел, у меня хватает недостатков.

— **Например?**

— Из того, что замечаете все, проблемы с алкоголем. Это у меня началось, когда мы с Верой... нет, официально не разошлись, но разошлись по разным квартирам. Три года жили врозь.

— **По вашей инициативе!**

— Нет, но виноват я. У нас уже Юля росла, однако все шло вкривь и вкось. Бытовые проблемы добились — какой-то вечный кошмар безденежья, неустраивенности. Когда мы наконец получили собственную квартиру, Вера переехала в нее, а я на полгода остался в театральном общежитии, потом... Потом было все. Выпил я тогда немало. Пил, пока не почувствовал: если не останешься, пропаду. Меня пытались лечить, гипнотизировать, кодировать, но я понимал: никто, кроме меня, не решит мою проблему. Борьба с собой шла долго и с переменным успехом. И жестокие запой случались, и глубокие падения, но в итоге я, кажется, победил. Только бы Бога не разгневать...

И сегодня могу выпить. Причем по-прежнему не люблю малых доз: гулять — так гулять. Словом,

иногда закладывая вираж, но по-тому обязательно останавливаюсь. Научился тормозить, нашел лекарства, которые помогают. Да, случаются депрессии, вспышки дурного настроения, но я знаю, как управлять собой. Главное, я не отдаю в руки врачей, которые пытаются меня загнать, подавить мою волю. Уверен: и Высоцкий умер из-за того, что Марина стала его лечить. Володя был сильный человек, он сумел бы справиться. А вместо этого с водки перешел на наркотики, и ... пошла писать губерния.

Давно понял: надо меньше слушать других и больше доверять себе, своему чутью. Скажем, однажды я попал в больницу с воспалением желчного пузыря. Сделали мне несколько уколов, сняли боли и собрались выписывать, но я ведь чувствую: что-то странное со мною происходит, температура не падает. Говорю врачу: оперируйте! Он в ужасе: что вы такое предлагаете? Настаиваю: режьте! Ладно, соглашается, под вашу ответственность... В результате меня еле-еле успели спасти от гнойного перитонита. Пару часов потянули бы, и...

— **Судьба.**

— А как я с курением боролся? Пристрастился к табаку лет в шестнадцать, и буквально через месяц в дневнике появилась первая запись: «Надо бросать». Потом много раз пробовал. На день хватало, на неделю, на месяц. Однажды год продержался, а потом по новой началось. Курил много, жадно, по две пачки в день, а то и больше. Закончилось все в одночасье. Летел из Москвы в Рим и живо представлял, как сейчас отпущу в советское посольство, куплю там американских сигарет (в Москве это был страшный дефицит!) и смачно затянусь. Однако стоило подумать о куреве, как к горлу подкатил ком, и я едва успел добежать до туалета в хвосте самолета. Решил: тошнит из-за того, что перестал курить. Вернулся на место, снова принялся мечтать, как закурю, и вновь мне стало дурно... Прилетел я в Рим, но за сигаретами не пошел. Вечером сидел в компании, где все выпивали и дымили, лишь я не курил. Все, больше ни разу не взял сигарету в руки, хотя с того дня прошло двенадцать лет.

Может, когда-нибудь придет момент, я и от рожки откажусь. Уже сейчас паузы между выпивками становятся все более длинными, притом что поводов не убывает, было бы желание. Презентация, премьеры, дни рождения, а теперь еще и похороны друзей, знакомых...

— **В любом случае решение пить или не пить приму сам, мнение врачей спрашивать не стану.**

— **Не любите вы их.**

— Не скрываю. Мне не нравится, когда не говорят диагнозы, что-то замалчивают, как это принято у нас. В конце концов, это мой организм, я вправе знать о себе все!

— **Повторите в медицине, если она сумеет расколоть, почему вы по ночам кричите!**

— Увы, я давно и безрезультатно бьюсь над ответом...

— **Может, кошмары мучают!**

— Наверное, мучают, но я эти сны не помню, а те, что помню, спокойные и даже скучные. Например, могу всю ночь искать сумку с документами. Снится, что хожу и ищу, ищу... Какой это кошмар! От тоски сдохнуть можно! Просыпаюсь, вижу, что сумка стоит возле кровати, закрываю глаза и опять начинаю поиск. Еще и сокращения во сне: там ведь и паспорт, и водительские права, и деньги... Так что кричу я не из-за ужаса. Тут другое.

— **Домашние привыкли! Не вздрагивают!**

— Да вроде бы было время освоиться. Наверное, даже соседи адаптировались.

— **У вас ведь за стеной, кажется, квартира Смоктуновского.**

— Да, там живет семья Иннокентия Михайловича.

— **Случайно рядом оказались!**

— Конечно. Я записал вещи в дом, смотрю, а из подъезда выходит Смоктуновский. Спрашиваю: «Вы тоже здесь? А этаж какой?» Отвечает: «Третий. А вы возражаете?»

— Не стану говорить, будто мы дружим, по-моему, у Иннокентия Михайловича вообще друзей не было, но общались, даже выпивали. Правда, его жена не давала нам разгуляться, строго следила за этим...

Дом у нас хороший, жаловаться грех. Мы квартиру благодаря Вере получили. До этого жили в Олимпийской деревне, в принципе меня и там все устраивало, но Вера уперлась: больше не могу, хочу в центр. Она ведь каждое утро уезжала на репетицию, а возвращалась домой только после спектакля...

двенадцатичасовая смена. Вот и звала. Нам помогли оформить обмен, и в 90-м мы въехали. Тут и Юля к государственному экзамену в институте готовилась, и я пятидесятилетие справлял...

— **А затем и шестидесятилетие.**

— Само собой. Глядясь, не последний мой юбилей.

— **Андрей ВАНДЕНКО.**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

— **«И сегодня могу выпить. Малых доз по-прежнему не люблю»**

«Скандал с Дюпарье мне не нужен!»